

Москвы долго не позволяла московскому правительству широко развернуть систему военно-политического контроля над донским казачеством¹. Приходилось ограничиваться всевозможными увещеваниями и порой отказом в посылке ежегодного жалованья. Но это мало действовало на казачью „вольницу“: „верные подданные московского государя — на словах, казаки постоянно доказывают полную самостоятельность и непослушание Москве в своих действиях“². Так, например, в 20—30-х годах XVII в. московское правительство было заинтересовано в мире с Турцией и Крымом и беспрестанно, хотя и безуспешно, уговаривало казаков прекратить набеги на их владения. Но „несмотря на грозную опалу царя.. и даже отлучение патриархом казаков от церкви в 1630 г., грабежи продолжались, и правительству московскому пришлось сложить с казаков опалу даже за такое преступление, как убийство посла Карамышева, привезшего им опальную грамоту“³. В такие „моменты острых конфликтов“ Войско не боялось угрожать царю тем, что оно „реку покинет в пусте“ и даже перейдет на службу к литовскому королю, т. е. в Запорожье⁴.

„Московское государство хорошо понимало всю пользу, приносимую ему дешевыми охранителями его украины, страшными для соседей“⁵, но должно было удерживать казаков от слишком активных действий. Зажиточная верхушка казаков, на которую можно было бы опереться, в ту пору была еще слишком незначительна. Приходилось идти на уступки, уговаривать. В 1623 г. князю Белосельскому, отправляемому на Дон послом, царский наказ предписывал: „государскую грамоту... вычитывать им (казакам. — А. Р.) с радостью, чтобы их не ожесточить. Выговаривая, покрывать гладостию. А многих речей с казаками не заводить, чтобы их не ожесточить“⁶.

Посылая на Дон какое-либо распоряжение, царь не мог ограничиться лаконичным приказанием, уместным, например, по отношению к любому его воеводе, хотя бы и знатному князю. Здесь он должен был витиевато осложнять речь своей грамоты указаниями на то, что казаки „природные“ его холопы, напоминаниями, чтобы они „прежней своей чести и славы не теряли“ и служили „верою и правдою“, стояли бы „крепко и мужественно“, „помня бога... и свою природу“, „за веру христианскую“ и „дом богородицы“ против „бусурман“ и т. д. Царь то грозил „опалой“ и упрекал за ослушание, то „милостиво похвалял“ казаков и обещал жаловать, „смотря по службе и радению“⁷. Все эти нравоучительные сентенции быстро приобретали характер постоянных формул.

Донские казаки очень гордились своим особым положением в государстве: „все земли нашему казачьему житью завидовали“, писали они в гра-

¹ [Б. В. Лукин]. К истории донского казачества, Ростов-на-Дону, 1939, стр. 46.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 60.

³ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 41.

⁴ С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 27.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 41.

⁶ А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского. СПб., 1870, стр. 15.

⁷ Донские Дела, кн. 1-я, стлб. 217, 224, 246, 307; кн. 2-я, стлб. 464, 465 и мн. др.